

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

ИРОНИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Бедная миллионерша

Дарья Александровна Калинина
Бедная миллионерша
Серия «Иронический
детектив Дарьи Калининой»
Серия «Саша и Барон – знаменитый
сыщик и его пес», книга 22

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65426536

Бедная миллионерша: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-155103-2

Аннотация

Для Тани замужество стало настоящим кошмаром. Десять лет муж, который был старше ее почти в два раза, только издевался над девушкой, унижая ее и физически, и морально, – пока Таня не нашла номер телефона «Исполнителя желаний». Ей пообещали, что супруг исчезнет навсегда. Так и случилось. Однако теперь призрак мертвого благоверного мучает Татьяну по ночам...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Дарья Калинина

Бедная миллионерша

© Калинина Д.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Вывраться из города, вот чего ей хотелось. Уехать из этого места, ставшего таким чужим. Вывраться из атмосферы, сгустившейся за последние полгода до такой степени, что уже и не вздохнуть было. Уехать подальше и подольше, а если уж совсем откровенно, то навсегда. Почему бы и нет? Когда тебе двадцать пять лет, а у тебя ни семьи, ни детей, тогда имеется полная свобода в выборе того, куда двигаться дальше. Вот только куда?

Когда-то ради этой свободы она готова была горы свернуть, готова была лгать, притворяться, изображать то, чего нет и быть не могло. И вот теперь она получила все, что желала. И даже больше желаемого. Та самая свобода была предоставлена ей во всей своей полноте. Действительность оправдала самые смелые ее надежды. Но что дальше? Полнейший тупик и неопределенность.

Тряхнув головой, Таня попыталась отогнать от себя мысли, все последнее время кружащиеся у нее в голове, словно стая ворон.

– Пошли прочь! – прошептала она им сердито. – Не до вас мне! Потом о вас подумаю!

Вроде как подействовало, ворон в голове стало поменьше. Да и выглядеть они стали как-то нерешительно. И каркали не так громко, и отношения между собой выясняли не так

ретиво.

Чтобы закрепить успех, Таня решила еще сильнее отвлечься, для чего посмотрела в окно автобуса.

Был уже вечер, зимой темнеет быстро, и в городе Таня ничего примечательного из своего окна обычно не видела. Но тут было совсем другое! И сердце у девушки застучало быстрее.

До чего же за окном было красиво! Вид был на диво хорош, словно на новогодней открытке, которую они с бабушкой в Танином детстве ежегодно получали с поздравлениями от ее двоюродной сестры. Это была одна из немногих доступных им в жизни радостей, а сестра, словно догадываясь, всегда старалась выбрать открытку понарядней.

Точно, как на ней, сейчас перед глазами у девушки серебрился недавно выпавший снег. Переливался, искрил, лежа снежным пушистым покрывалом. А сверху на все это великолепие светила большая бело-серебристая луна.

– В городе такой красоты нипочем не увидишь!

Таня невольно вздрогнула. Голос был громкий и незнакомый.

Ах, это не к ней обращаются. За Таней в следующем ряду сидел пожилой дяденька, который произнес эту фразу, обращаясь к своей супруге.

Но той было не до снега, она деловито пересчитывала банки, которые стояли у нее в ногах в сумке.

– Как думаешь, грибов не мало мы взяли? – озабоченно

обратилась она к мужу. – Тете Лене, дяде Толе, ребятам по баночке, а что на стол поставить? Я всего пять банок захватила.

– Что? У них грибов своих нет?

– Таких, как ты в этом году собрал, нету! Они даже в хороший год все подряд метут, и переросшие, и червивые. Видела я, как баба Галя свое грибное ассорти солит. Лучше бы уж и не видела!

– Так все плохо?

– Думаешь, чего она грибы так мелко крошит? В крошewe ни черви, ни старые грибы не разобрать.

– Вкус все равно не тот.

– Да разве она понимает вкус настоящего гриба! Всю жизнь так солит, ей и нормально. Другой бы отведал, так мигом лаcты склеил! И ведь сколько людей ее грибами травилось, а бабе Гале хоть бы хны! Это не мои грибы виноваты, это они что-то другое поели. Я, говорит, всегда сама свои грибочки ем и все со мной прекрасно. И ведь не возразишь! Действительно, ест, и действительно, все у нее прекрасно.

– Живехонька наша баба Галя, – проворчал мужик. – Дай бог так каждому!

Таня поежилась. Отчего-то ей стало холодно, хотя в автобусе жарко топили. Наверное, виноваты были воспоминания, столь внезапно на нее нахлынувшие.

Но тетка позади нее не унималась:

– Вот ты, Сереженька, у меня молодец! – воскликнула

она. – Ты всегда отличные грибы собираешь. Молоденькие, шляпка к шляпке, ножки упругие, чистые, берешь и удовольствие от одного взгляда на твой гриб имеешь.

– Хочешь, чтобы и они попробовали, что такое настоящий маринад из молоденьких маслят? – уточнил муж.

– Хочу! Хочу, чтобы они все там обзавидовались, какой у меня муж замечательный!

– Ну а лисички пополам с белыми захватила? – тоже вошел в интерес супруг.

– А как же! Две банки! И подосиновиков, крепких, каменных, куснешь, а он словно мячик каучуковый. Объедение! То ли их сопли из переспевших подберезовиков, которые они каждый год на стол выставляют. Бэ-э! Один раз взглянешь, вся охота к грибам пропадет на всю жизнь. Это же я только с тобой толк в грибах поняла, а в детстве я их на дух не переносила. Сколько раз в меня баба Галя грибы пихала, а я их есть не хотела. Теперь понимаю, почему так было. Спасибо, хоть не отравилась.

– А дядя Толя твой пару раз в больницу с отравлением ездил.

– Еще бы! Бабка Галя грибов у дороги наберет, помоеет, порежет, посолит, лучком, маслицем сбрызнет, кушайте, дорогие гости. Даже не отварит, ничего! И ладно бы грибы были хорошие, а то неизвестные какие-то, она говорит, рыжики, да какие там рыжики, ножки тонкие, мякоть на изломе не синее, разве что цветом шляпки у них немного похожи.

Их бы хоть отварить, нет, она прямо так сырыми режет. Рыжики ведь, по ее мнению! А рыжики не варят!

– Рыжики не варят, – согласился муж.

– Так не рыжики это вовсе у нее! – продолжала кипеть праведным негодованием супруга.

Таня прикрыла глаза, молясь, чтобы хозяйственные грибки угомонились.

Но не тут-то было. У них в сумке нашлось еще немало банок, содержимое которых требовалось обсудить. И домашние перцы по особому рецепту, и вяленые помидоры в оливковом масле, и какие-то «министерские» огурцы, прозванные так потому, что готовились они по рецепту тещи бывшего министра.

Все это супруги обсуждали с таким удовольствием и вкусом, что у Тани засосало и заурчало в желудке.

Это было неудивительно. Таня сегодня еще ничего не ела, если не считать ложечки овсяного киселя, которую она проглотила на голодный желудок, чтобы он не урчал у нотариуса.

Но все прошло гладко. Нотариус выразил свое удовольствие и пожал ей руку.

– Теперь вы богатая женщина. Я знал состояние дел вашего уважаемого супруга. И поверьте, тех денег, которые вы унаследовали от него, вам с лихвой хватит на несколько жизней.

Тане стоило большого труда, чтобы не расплакаться.

– Тише, тише! – кинулся к ней нотариус, думая, что она нуждается в утешении.

Таня и впрямь нуждалась в утешении, но только совсем не в таком, о котором думал милейший Лев Соломонович. Он-то был уверен, что она до сих пор скорбит по своему рано ушедшему супругу, а дело было совсем не в том. В прежней своей нищей жизни Таня столько раз мечтала о том, что когда-нибудь услышит в свой адрес эти слова: «Вы – богатая женщина»!

И вот сейчас она их слышала, но она ничего не чувствовала! Ни триумфа, ни удовольствия, вообще ничего. В душе была лишь одна звенящая и какая-то ледяная пустота.

Тане было все равно, есть эти деньги, нету их, какая разница? Ну да, теперь она может устроить безумный шопинг, может полететь в любой уголок мира, может просто целыми днями валяться на кровати, обжираться самым лучшим шоколадом и есть свою любимую осетрину целыми рыбинами, может... может... много чего она теперь может.

Но беда была в том, что ей ничего этого больше не хотелось!

И Таня разрыдалась так громко и безудержно, что Льву Соломоновичу пришлось вызвать свою помощницу, которая была ровесницей Тани и которая искренне не понимала ее слез.

– Чего ты реवेशь, Танюшка? – уже совсем по-свойски обратилась она к ней. – У тебя денег теперь до хриенища. Ста-

рый хрыч оставил все одной тебе. Не каким-то там благотворительным фондам, которыми он тебя все время пугал, не своим дальним родственникам, которых у него и не было, не детям, которые, похоже, тоже были только у него в голове, а одной тебе! Все его счета теперь твои! Живи, кути, гуляй, как тебе хочется!

Таня лишь помотала головой. Сунула приятельнице пять тысяч, пусть хоть она порадуется, и ушла.

Никто не понимал, какое опустошение она чувствует внутри себя. Вот раньше, когда денег и возможности не было, хотелось. А теперь, когда возможность такая появилась или вот-вот появится, все желание, весь интерес куда-то пропали! И до того Тане от всего этого стало скучно и тошно, что хоть руки на себя накладывай.

От петли ее спас трезвый взгляд на вещи. Ну, надо же хоть взглянуть, сколько у нее теперь денег. Да и глупо же умирать, когда все так отлично складывается, все вокруг так говорят.

– Раз деньги теперь мои, нужно их тратить, – вздохнула Таня и направилась в первый по счету банк, который был в ее списке.

Потом она пошла в следующий, затем еще в один. И по мере того, как перед ней открывалась картина, настроение у Тани стремительно менялось. Теперь ей снова очень хотелось транжирить деньги мужа, просто до колик в животе.

– С этим надо что-то делать, – прошептала Таня. – Да, надо что-то делать! Но что мне делать?

И тут ей вспомнилось, как вчера вечером, накануне ее похода к нотариусу, к ней приехали подруги – Ирка с Марусей.

Подруги с явным удовольствием умяли купленную специально для них банку черной икры, запили все французским шампанским и вынесли вердикт:

- Тебе просто нужно сменить обстановку.
- У тебя депрессия.
- Еще бы! Сколько времени этот старый козел ее морально уничтожал.
- Выгнать без всего на улицу угрожал.
- Если бы он не подох так вовремя, ты бы не просто одна, но еще и без денег осталась. Так что теперь пляши и пой, на твоей улице праздник!

Возможно, подруги были правы. И Таня просто устала за эти долгие годы, которые теперь казались ей вечностью.

Характер у ее покойного мужа был далеко не сахар. Да и появившиеся с возрастом болячки давали о себе знать, делая мужа еще более раздражительным. Он был старше Тани ровно в три раза.

Когда они познакомились, ей было пятнадцать, ему сорок пять. Потом ей исполнилось двадцать, двадцать один, двадцать два, двадцать три, она расцветала, хорошела, лучилась молодостью и здоровьем. А муж... муж не молодец, он увядал. Какая-то дрянь точила его изнутри. Хотя ни одно из обследований не показало какой-то серьезной проблемы.

Врачи уверяли, что главное для него – соблюдать диету.

– Следите за ним! – твердили они Тане. – Никакие лекарства не помогут, если он будет питаться по-прежнему. Станет пихать в себя все, на что упадет его глаз.

И Таня пыталась что-то сделать. Но муж не желал ни ее, ни докторов слушать. И всякий раз, когда Таня робко советовала вместо устриц заказать на завтрак простую манную кашу, он орал на нее после этого так, что ей хватало до самого обеда. У нее тряслись руки и дрожали ноги. На обед Таня упоминала, что легкий овощной супчик был бы предпочтительней тяжелого мясного да еще с трюфелями. И снова слышала в свой адрес проклятия, которые не переводились у мужа до самого ужина. За ужином она молчала, потому что тут уж говорить что-либо было невозможно, супруг начинал ужин с бутылки вина, потом появлялось виски или другой крепкий напиток, который муж усердно закусывал хамоном или ветчиной, которую он просто обожал.

Ветчину он пихал в себя огромными ломтями, ехидно подмигивая при этом жене и приговаривая:

– Не каждому нынче такое лакомство доступно! М-м-м... Объедение!

Эту фразу он произносил неизменно всякий раз, когда приступал к ветчине. Это у него был своего рода ритуал. И Тане даже иногда казалось, что муж назло пихает в себя эту ветчину, чтобы кто-то другой вдруг бы это увидел и позавидовал ему.

Но кто? Таня терялась в догадках. Жили они уединенно,

ужинали вдвоем. Не перед ней же он выделялся?

– Можно оставить и на завтра, – предлагала она.

– Сожру все сейчас! Обожаю!

И пихал в себя кусок за куском. Видно, что делал это уже через силу, явно кому-то назло.

В итоге муж попадал в больницу, где Таня преданно его навещала. Но в голову ей летели тарелки и требования гусяного паштета. Муж не желал питаться полезной больничной едой, ее он находил отвратительной. Он требовал ресторанных куропаток, требовал рябчиков, требовал тетеревов, за которыми посылал и которых ему привозили. В общем, с диетой не получалось вовсе.

И все же десять лет они в браке прожили. Как Таня это выдержала, теперь она и сама затруднялась сказать. И как выжила, тоже не понимала. Иногда ей казалось, что она просто умрет. Особенно сначала ей казалось, что она просто банально умрет от голода. Купить продуктов она не могла, муж ограничивал ее во всех тратах, разумеется, делал он это в ее же собственных интересах.

– Ты немного располнела, девочкам нужно быть стройными. Кушаешь один раз в день. Этого достаточно.

Как у всякой жены богатого банкира, у Тани был шикарный приобретенный за границей гардероб, но все эти прекрасные вещи ей выдавали по случаю выхода в свет. Дома Таня ходила в одной и той же застиранной майке и штанах, давно порвавшихся по швам.

Но мужу до этого и дела не было. Он выдавал ежемесячно ей сумму, которая равнялась десятой части от прожиточного минимума по региону, но требовал, чтобы жена его за это благодарила. На эти деньги можно было купить средства личной гигиены, но не более того. Работать Тане не разрешалось, учиться тоже. Общение с подругами должно было быть сведено к минимуму, а лучше, если оно отсутствовало полностью.

На все робкие просьбы жены увеличить ей довольствие, муж отвечал одно и то же:

– Зачем тебе больше? Живешь на всем готовом!

Так-то оно так, но за столом, который ломился от еды, Тане позволялось взять себе листик салата и каких-нибудь фруктов, желательно яблок, они стоят дешевле всего.

– Хочешь, чтобы я правильно питался, начни с себя! А в яблоках полно витаминов и железа, которого тебе так не хватает.

И напрасно Таня объясняла, что она-то лишним весом не страдает, скорее напротив, у нее нехватка килограммов. Ничего не помогало. В доме всюду были установлены камеры, и когда Таня готовила, она боялась лишний кусок положить себе в рот, потому что это моментально становилось известно мужу и становилось поводом для новой истерики.

Иногда Таня даже задавалась вопросом, а нормален ли ее муж? Но никто из врачей, которых они посещали, никогда не упомянул о том, что болезни вызваны в первую очередь

психическим состоянием супруга.

Тане оставалось лишь предположить, что мужу просто нравилось издеваться над ней. Его чувства очень часто напоминали настоящую ненависть. И Тане даже начинало казаться, что этот человек женился на ней исключительно ради того, чтобы иметь девочку для битья. Ему доставляло прямо-таки какое-то извращенное удовольствие видеть, как она страдает. И Таня, по мере силенок, старалась не доставлять ему этого удовольствия.

Постепенно она научилась хитрить с ним. И со временем это стало получаться у нее все лучше и лучше.

Последним ее проигрышем стал газон, на месте которого когда-то были разбиты ее чудесные цветочные клумбы. Таня неосмотрительно дала понять мужу, что ей нравится возиться с цветочками, и клумбы были немедленно объявлены мешанством, ликвидированы, а на их месте расположился безупречно ровный безликий газон.

Куплен он был за огромные деньги, доставлен в рулонах, и его даже не нужно было пропалывать, но его нужно было стричь. И для этого была куплена огромная и тяжеленная штукавина – газонокосилка, которую Таня даже с места сдвинуть могла с трудом. Но она вовремя сориентировалась, изобразила бурный восторг и так искренне интересовалась газонокосилкой и пыталась ее испробовать, что раз и навсегда ей было объявлено, косилка – это не бабского ума дело! Для стрижки травы был нанят специальный человек,

и Таня, превозмогая свою радость, мысленно отпраздновала свою первую в жизни победу над мужем.

Сначала Таня долго не могла уразуметь, что один человек может делать что-то просто назло другому, чтобы просто доставить тому неприятные переживания. Но как только она это осознала и поверила, что перед ней именно такой человек, который к тому же является ее мужем, все стало предельно просто. Она поняла, как нужно крутить мужем, чтобы он выполнял то, что хочется ей или, по крайней мере, не заставлял ее делать то, что ей не нравится.

И побед этих со временем становилось все больше, потому что Таня училась менять свою жизнь к лучшему очень быстро.

– Может, я нездорова? Я просто не могу видеть мяса! – закатывала она глаза. – Дорогой, не покупай его! Меня мутит от одного его запаха!

В итоге теперь ее пичкали хамоном, который прежде был для нее под строжайшим запретом.

– Ешь! – требовал муж. – Это полезно!

– Может быть, яблочко? – робко интересовалась Таня, которой яблоки уже в кошмарах снились.

– Нет! Ешь мясо!

Любовь к мытью посуды у Тани была искоренена подключением посудомойки. Машинка и раньше в хозяйстве мужа имелаась, но то шланга не было, то мастера, то воды, то фильтра. А тут вдруг все сразу нашлось, и посудомойка заработа-

ла, лишив Таню в ее жизни единственных «светлых минут, когда она делала грязное чистым».

Естественно, Таня понимала, муж далеко не глуп, может заметить неладное, поэтому иногда она позволяла себе «не любить» что-нибудь действительно стоящее, но без чего вполне могла обойтись. Например, удобную спортивную обувь. Тане немедленно покупались высоченные туфли на шпильках, ходить на них было рискованно, но зато какой шик! К тому же, когда Тане шпильки надоели, она их тут же вслух «полюбила». Заявила, что это такой кайф! И тут же получила в подарок спортивные тапочки со строгим наказом носить только их и забыть про туфли.

Она требовала экономить и в первую очередь на самой себе, муж стал покупать все более и более дорогие вещи, и теперь он даже заставлял Таню носить их постоянно.

Так что со временем жизнь Тани сделалась вполне сносной, но любви к мужу ей это не прибавило. Совсем даже напротив, стало только хуже. Раньше она его просто боялась. Он подавлял ее своим возрастом, своим богатством, своим авторитетом. Но теперь, когда она поняла, что он тоже не лишен слабостей, узнала, как им можно управлять, она стала презирать его. И жить, как ни странно, стало еще тяжелей. Одно дело жить с врагом, которого уважаешь. И совсем другое, оказалось, жить под одной крышей с ничтожеством, которое презираешь от всей души.

Тане стали противны даже прикосновения мужа в посте-

ли. Но с этим нужно было поосторожней, а то в один момент она научилась с таким правдоподобием изображать бурный восторг от его любовных усилий, что муж решил оставить жену на голодном пайке и завел себе женщину для утех на стороне.

С одной стороны, это было неплохо, он не привязывался к ней со своим сексом, но с другой – Таня тоже почувствовала вкус к игре. И длительное отсутствие рядом с ней мужа могло плохо сказаться на его управляемости.

Пришлось Тане заговорить о том, как было бы замечательно разнообразить супружеский секс присутствием в их жизни кого-нибудь третьего. А то, мол, стало у них как-то скучно. И муж снова стал проводить все вечера дома.

Иногда Тане казалось, что у мужа просто маниакальная зависимость от нее. Он словно был без ума от Тани, но только со знаком минус.

В какой-то степени Таню даже забавляли те усилия, которые ее муж тратил на то, чтобы сделать ее несчастной. Но приходилось подыгрывать, и Тане казалось, что она делает недурственные успехи в актерской игре. Да, у нее стало неплохо получаться, она научилась ловко водить мужа за нос. И все же такая жизнь не могла не наложить на Таню свой отпечаток. И временами молодой женщине казалось, что она попросту сходит с ума. Еще чуть-чуть, и она станет такой же чокнутой, как и ее муж. Или уже стала.

– С кем поведешься, от того и наберешься, – любила го-

ворить ее бабушка и добавляла: – Если человека посадить на цепь рядом с собакой, то он поневоле лаять начнет.

Тане очень хотелось «слезть с цепи», но она не знала, как ей это лучше сделать.

Нет, конечно, можно было просто взять и однажды уйти в никуда. В принципе муж не ограничивал свободу ее передвижений настолько строго, чтобы этого никак нельзя было бы сделать. Таня должна была согласовывать с ним все свои перемещения, все предстоящие ей траты также тщательно обговаривались заранее, но когда все было согласовано, то порой Тане позволялось подышать свежим воздухом в одиночестве или сходить куда-нибудь. Слежку за собой Таня иногда замечала, иногда нет, но в принципе она могла бы обмануть бдительность сыщиков и ускользнуть из-под их надзора.

Вот только куда бы она пошла потом? Родители у нее давно умерли. Старенькая бабушка жила в пансионате, где о ней хорошо заботились, потому что платой за проживание там была квартира бабушки. Сделано это было по настоянию мужа и, как подозревала Таня, с одной-единственной целью, лишить девушку последней возможности зажить самостоятельной жизнью. Ведь теперь Тане уйти было равным счетом некуда. И это был единственный случай, когда уловка Тани не сработала.

– Давай устроим бабушку в дом престарелых? – не без внутреннего содрогания предложила она мужу. – Не хочу за

ней ухаживать! И к нам домой ее брать тоже не хочу.

В душе Таня молилась, чтобы муж, как обычно, дал бы ей решительный отказ. Но он согласился! Единственный раз за все время их совместной жизни он принял ее предложение без всяких выкрутасов. И Таня поняла, что бабушку ее муж в любом случае к ним домой бы никогда не взял. Это было им решено задолго до того, как Таня прибегла к своей уловке.

Кусая локти, Таня выбрала для бабушки максимально хорошее место. Приходилось смириться с этим фактом и утешаться тем, что бабушка все равно к этому моменту уже никого не узнавала. Ее деменция начала прогрессировать еще в то время, когда они с Таней жили вместе. А с годами все стало только хуже.

Любви к мужу этот эпизод не прибавил. И Таня все чаще задумывалась о том, как бы ей изменить разом все. Просто уйти и потерять то, ради чего она мучилась целых десять лет? Ну уж нет! На такой вариант Таня тоже не была согласна. Пусть кто-то назвал бы Таню меркантильной, она не стала бы спорить. В конце концов, она выходила замуж за богатого и старого мужа, прекрасно отдавая себе отчет в том, что хочет получить на финише. И попрощаться со своей мечтой только потому, что не выдержала и сошла с дистанции, когда до заветного флажка оставались уже считанные метры, такой роскоши она позволить себе точно не могла.

– Я должна получить его деньги! – твердила Таня, меря шагами комнаты огромного дома своего мужа, в котором

лично ей не принадлежало пока что ничего. – Должна завладеть его состоянием! Иначе все это было бы напрасно!

Все – это годы ухищрений, лжи и притворства. Все – это проживающая в пансионате бабушка, которую позволялось видеть не чаще одного раза в месяц. Все – это тысячи мелких уколов и унижений, из которых состояла вся ее жизнь. Все – это муж, которого она сначала боялась, потом ненавидела, а затем просто презирала. И много, много всего такого, через что ей приходилось переступать. Все эти годы Таня возводила свое собственное здание, невидимое постороннему глазу, но для нее оно существовало во всей своей красе.

Но когда Таня посмела рассказать людям на дзене о своих потаенных мечтах, те подняли ее на смех.

– Наследство?

– Деньги?

– Это все лишь твои фантазии!

– Ты строишь свои замки на песке!

Таня растерялась. Она не ожидала такого отпора. Она была уверена, что у нее есть хорошие шансы, и вдруг такой решительный спуск с небес на землю!

– Но почему? – рискнула она спросить.

– Потому что он упырь!

– Нечисть!

– Доведет он тебя до нервного истощения, и весь сказ!

– На тебя уже страшно смотреть, бледная, кожа да кости!

– Гляди, твой муженек еще и тебя саму переживет.

Таня заплакала. Не потому, что слова незнакомых людей ее обидели, а потому, что они подозрительно сильно смахивали на правду. Тане и самой казалось, что муж выпивает из нее жизненную силу каждый день, цедит ее по капле, смакует, наслаждается самим процессом. И еще порой закрадывалась совсем уж пугающая мыслишка, цедить-то цедит, а ведь мог бы выпить ее вообще одним глотком. Нужно было ценить, что он такой из себя гурман и эстет каждый день отпивает по глоточку. Но Таня и сама чувствовала, как все трудней ей становится восполнять выпитое мужем. Если раньше ей казалось, что сил у нее очень много, дна их и не видать. То теперь она с ужасом понимала, что еле-еле наскребает силенки на самые простые и обыденные дела, о которых еще год назад даже и не задумывалась, просто делала их, и все. А муж, несмотря на свои годы, делался все бодрей.

И Таня испугалась:

– Так он и впрямь все мои планы порушит.

Но что предпринять, Таня не знала. Убить мужа своими руками, это подсказывал ей и здравый смысл, и инстинкт выживания. Против были лишь совесть и какие-то крохи самосохранения, которые подсказывали, что не имея опыта в таких делах, попасться очень легко. И что в тюрьме у Тани шансов выжить будет еще меньше. И срок она получит большой, потому что ни один судья не сочтет ее жизнь достаточно ужасной, чтобы пойти из-за этого на убийство. Ее сочтут жадной и корыстной натурой. Ведь если взглянуть со сторо-

ны, то все в жизни у Тани обстоит очень даже благополучно.

Дом – полная чаша. Она сыта, одета, обута и обласкана. Муж ее не бьет, в жизни пальцем ее не тронул. А что сама Таня хиреет и чахнет, стоит мужу к ней прикоснуться, так при чем тут муж? При чем тут этот благородный человек, окруживший сироту и нищенку своим вниманием и заботой? Судья сочтет Таню просто жалкой и неблагодарной тварью и будет в какой-то мере прав. А значит, получит Таня максимальный срок, да еще и наследство от нее уплывет в чужие руки.

Нет! Такое она допустить никак не могла. Это означало бы, что мужу удалось восторжествовать над ней. А Тане такая мысль была горше смерти.

И тут ей на глаза попало объявление, которое круто и в одночасье изменило всю ее жизнь. Оно было совсем коротеньким и состояло всего из трех слов. «Устраню все ваши проблемы!»

Дрожащей рукой Таня набрала семь цифр телефонного номера, который прилагался к объявлению, и услышала голос, который суждено ей было помнить до самых последних дней своей жизни.

Глава 2

Автобус остановился. За сиденьем Тани началась возня и суета.

– Сумку бери! Да не ту! Красную бери! Там одни банки, ты что, не понимаешь, мне же ее не поднять! Горе луковое! Зеленую зачем схватил? Поставь! Поставь ее, Сереженька! Коробки с конфетами нынче только так называются, веса в них никакого нету. Воздух фасуют вместо шоколада. И клетчатую тоже назад поставь. Там белье постельное! Тряпки я и сама вынесу, ты лучше кабанчика и мед тащи, которые дядя Толя с нами передал.

Прочие пассажиры с нетерпением наблюдали, как возятся муж с женой, не в силах распределить свой груз. Но дальше любопытных взглядов и недовольного шипения дело не шло. Никто оторвать собственное сидище от стула, подняться и помочь не желал.

– Ну, скоро вы там? – подал голос шофер. – У меня расписание! Долго я стоять не могу!

Сказано это было таким тоном, словно это не шофер, а совсем другой человек болтал добрых пятнадцать минут с напарником, задержав отправление с автостанции и своего, и последующих автобусов.

Таня это хорошо запомнила, потому что все это время изнывала от нетерпения и злости. Стоило ей запрыгивать в

первый попавшийся автобус, чтобы потом сидеть и без толку ждать отправления целую четверть часа!

А соседи все крутились, все перекладывали сумки, не зная, как сподручней их взять. Таня смотрела в окно, стараясь не прислушиваться к чужой суете.

Внезапно она отпрянула. Там в зимней темноте ей помешалось нечто ужасное. В окне проезжающей мимо машины она увидела своего мужа.

Конечно, ей это только показалось, не мог ее муженек раскатывать нынче по земле. Но Тане сделалось жутко, и глазеть в окно настроение пропало.

Куда бы отвлечься?

Она повернула голову в сторону своих соседей, и в этот момент мужчина уронил ей на колени какой-то сверток.

– Вам помочь? – невольно вырвалось у Тани.

– Вот спасибо!

И прежде чем девушка успела опомниться, ей уже вручили корзинку с чем-то хрустящим и довольно увесистый сверток.

– Это ваза, держи аккуратнее, не тресни ее ненароком.

После чего они втроем проследовали к выходу. Впереди шла Таня, за ней супруги.

Снаружи возня с сумками продолжилась в усиленном режиме. По дороге выяснилось, что у одной из сумок отлетела ручка, держать ее теперь было возможно только двумя руками, что существенно уменьшало количество рабочих рук.

Таня топталась рядом, не зная, как ей быть. Пока хозяева не разберутся со своим грузом, ей нечего и мечтать, чтобы избавиться от чужой поклажи. Благо, что ваза и корзиночка не были тяжелыми. И Таня даже с некоторым интересом наблюдала за суетой супругов.

– Могли бы и встретить нас! Твоя же родня, Маринка! – пропыхтел мужик.

– Могли бы, так встретили бы. Наверное, случилось у них что-то.

– Случилось! Празднуют вовсю, вот что у них случилось! Знают, что мы и сами все допрем. Говорил я тебе, что четвертая сумка явно лишней будет.

– В последний момент дядя Толя передал. Ты же помнишь, он сам нам ее к автобусу припер.

– Ну и не надо было брать. Или другую ему взамен отдать. Добренький выискался, чужими руками каштаны из огня таскать.

– При чем тут это! Дядя Толя хотел как лучше.

– Ага! Хотел как лучше, а получилось как всегда!

– Пакуй давай!

Внезапно Таня почувствовала за своей спиной какой-то сквозняк. Странно, вроде бы от ветра ее надежно прикрывал теплый бок автобуса. Но оглянувшись, девушка поняла, что автобус отсутствует. Начисто! Совершенно!

Пока она с увлечением наблюдала за суетой своих соседей, автобус уехал! И теперь за Таней расстилалось лишь

ровное гладкое безукоризненно белое поле.

– Да как же это?! – ахнула Таня. – А я!

Она рванула следом за автобусом, но было уже поздно. Его и след простыл.

– Уехал! Без тебя! – всплеснула руками женщина. – А вещи твои где? Тоже уехали!

Все вещи были у Тани при себе, лежали у нее в сумке. За это она могла не волноваться. Но вот место, где она оказалась, было каким-то совсем недружелюбным. Редкие огоньки рождественской гирлянды на остановке никак не могли скрасить общей мрачности окружающего пространства. Фонарей не было, а какие и были, то светили тускло. Асфальт был положен как-то странно, местами отсутствовал напрочь, а местами бугрился, словно из-под него кто-то старался выбраться наружу.

В общем, Тане тут не понравилось, и будь у нее выбор, эту остановку под названием «Диковинно», она местом своего пребывания никогда бы не выбрала.

– Что же мне делать? – растерялась она. – Куда мне деваться?

– Как это куда? С нами теперь пойдешь! – пропыхтела женщина.

– Ага! – обрадовался ее супруг. – Заодно и вещи поможешь дотащить!

– Может, у вас тут гостиница есть?

– Какая еще гостиница! – возмутилась Марина. – Деньги

еще платить! Если у тебя лишние есть, завтра купишь мужикам пива на опохмелку. И будет с тебя за ночлег!

Таня рассудила, что в ее положении привередничать глупо. Действительно, куда она пойдет среди ночи приключения искать? А соседи по автобусу, насколько она успела понять из их разговоров, люди простые и открытые. Вряд ли они ее обидят. К тому же едут они в гости к родственникам, небось там полна коробочка. Найдется и ей где приткнуться.

— Давайте, я вам помогу, — вздохнула Таня, взяв у женщины еще один пакет.

Этот оказался значительно тяжелее, но Таня не роптала. Назвался груздем, полезай в кузов. Сами хозяйева тащили самые тяжелые сумки.

Так что все трое, несмотря на мороз, буквально обливались потом, когда добрались до цели их путешествия. Это оказался добротный деревянный дом, большой и светлый, сложен он был из массивных бревен совсем недавно, потому что дерево даже не успело еще потемнеть. В саду перед домом росла высокая ель, которая была вся украшена светящимися гирляндами фонариков. По фасаду дома и над входом тоже свисали елочные гирлянды. Повсюду лежал белый снег, и Таня снова вспомнила, что они празднуют Рождество.

Она залюбовалась этой безмятежной картинкой, пока хозяин выяснял отношения с родственниками, высыпавшими на крыльцо. Он возмущался, почему их не встретили. Те объясняли, что не ждали их.

– Вы только послезавтра собирались приехать!
– Передумали. Звонили вам, трубку почему не брали?
– Так мы целый день дома были, засиделись, захотелось к вечеру проветриться. Мы на ватрушках на речку кататься ходили. Решили телефоны не брать, мало ли что.

Недоразумение прояснилось. Доставленные с таким трудом гостинцы были розданы по адресатам. А молодая гостья была усажена за стол и обласкана всей большой и дружной семьей Толмачевых.

Все немедленно ужаснулись тому, какая она худенькая и бледненькая, и принялись наперебой пичкать Таню домашними деликатесами.

– Покушай пирожок, доченька! Бабка сегодня весь день пекла, специально для этого печь топили, эти пироги хоть мертвого на ноги поставят.

– Мясо! Мясо бери! С подливкой!

– Отстань от девочки, сейчас все молодые на диете, какое ей мясо. Вот лучше рыбку попробуй, до чего хороша, прямо во рту тает.

– А вот салатик! Сама лично готовила!

– Колбаски!

– Икорки!

– Сырку!

Но над всеми этими голосами раздался один – зычный и властный:

– Водки ей налейте! Да с огурцом!

Все мигом затихли, а перед Таней появилась полная до краев рюмка. Каким-то шестым чувством девушка поняла, что не выпить ее нельзя.

Поднесла ее к губам и опрокинула в себя одним махом. Кажется, она поступила правильно, потому что все вокруг как-то разом выдохнули и еще сильнее повеселели.

– Наш человек!

И перед носом у Тани появился соленый огурчик, которым она с удовольствием захрумкала выпитую водку. По всему ее телу разлилось живительное тепло. Теперь в ход пошла и капуста, которой на столе было целых пять видов – квашеная с моченой клюквой, красная со свеклой, тушеная с грецким орехом и чесноком, а также тушеная в горшочке со свиными шкварками и сосисками.

Но Тане больше остальных понравилась капуста, поданная на стол в виде салатика с тертым яблочком, морковкой и обильно залитая лимонным соком и растительным маслом. Были еще голубцы из савойской капусты, было ассорти из брокколи с цветной капустой, залитые яйцом, и была брюссельская, обжаренная до золотистой корочки и плавающая в подливке из топленого масла. И это только то, что касалось капусты. А были и другие блюда, и их было так много, что Тане казалось, никогда и нипочем всего этого им не съесть!

Но к ее удивлению, салатники, тарелки, миски и плошки пустели одна за одной, исчезали где-то в недрах кухни, появляясь оттуда снова заполненными до самых краев необыч-

но вкусной снедью. И вроде бы ничего необычного за этим столом не подавали, не было тут каких-то особенных хитро замаскированных азиатских блюд, где даже толком и не поймешь, что ешь. То ли бамбук, то ли спаржу, то ли невесть что заморское и чужестранное. Все было свое родное, все с легкостью и простотой поддавалось вкусовой идентификации, так что Таня точно знала, что жует в данный конкретный момент. Но в то же время все это было так вкусно, так здорово приправлено остротами сидевших за столом людей, что создавалась какая-то необычная душевная атмосфера общего праздника.

– А вот блинчики! – На столе появились новые подносы. – С мясом, с курицей, с грибами, с капустой. А вот эти сладкие с творогом, джемом и сгущенкой.

Блинчики тоже пошли «на ура». Все, кроме тех, в которых подразумевалась грибная начинка. Их не тронул никто. Похоже, родственники были в курсе, что грибов в исполнении хозяйки следует остерегаться.

Таня протянула руку, но, вспомнив рассказ, подслушанный в автобусе, взяла другой, с джемом, оказавшимся клубничным – ее любимым.

На сладкие блины с улицы прибежали даже ребята, которые до сих пор возились на заднем дворе и от количества которых у Тани слегка пошла кругом голова.

Перекусив, мальчишки и девчонки снова убежали. Оказалось, что они строят снежную крепость и поэтому очень-

очень заняты. Просто ни единой минуточки у них нет свободной.

– Решено, останешься ночевать у нас, – заявила хозяйка дома – баба Галя, крупная и дородная бабка с забранными в косу седыми волосами. – Завтра утром поедешь куда тебе надо.

– Я вас не слишком стесню? А то, я вижу, гостей у вас много.

– Тю-ю! Да разве же это гости? Это все свои, родные. Живем мы все по соседству. Спать они к себе пойдут. У нас только Серега с Маринкой останутся да вот ты еще.

Таня уже знала, что Сергеем и Мариной звали ее соседей по автобусу, благодаря которым она и очутилась в Диковино, в доме у бабы Гали.

– А ты сама-то куда ехала?

Куда? Таня растерялась от заданного ей в лоб вопроса. Сесть в отходящий автобус, было спонтанным решением. А вызвано оно было тем, что последнее время Таня все серьезней тревожилась о состоянии своей психики.

Дело в том, что ее преследовали галлюцинации. Ей мерещился голос ее покойного мужа, она находила следы его присутствия там, где их быть точно не могло, потому что все время после похорон Таня лично потратила на то, чтобы все следы мужа в своей жизни извести начисто. И словно бы этого было мало, муж начал Тане всюду мерещиться. То из-за угла выглянет, то в витринном отражении мелькнет, то изда-

лека рукой помашет, моргнешь, уже и нет никого.

– И пожаловаться некому, никто не верит.

А кто верил, тоже как-то нехорошо получалось, тот начал Тане сочувствовать.

Например, Маруся – одна из новых подруг Тани всплеснула руками и сказала:

– Бедняжка, похоже, жизнь с этим человеком нанесла тебе психике куда более серьезный вред, чем мы предполагали.

А более прямолинейная Ируся так прямо и заявила:

– Танька, ты сходишь с ума! Немедленно уезжай!

И Маруся ее поддержала:

– Да, Танечка, тебе нужно сменить обстановку. Развеяться. Раньше ты не хотела уезжать, потому что наследственными делами занималась. А теперь тебе сам Бог велел прокатиться. Деньги у тебя есть, поезжай!

Вспоминая этот разговор, состоявшийся у нее с подругами накануне ее внезапного отъезда, Таня лишь печально вздохнула.

Как объяснить теперь людям, что денег у нее оказалось совсем не так уж много? Во всяком случае, их было куда меньше, чем Таня ожидала.

Нет, кое-что ей еще раньше удалось выручить, продав некоторые личные вещи мужа, которые она в свое время ловко припрятала. Например, часы, золотой портсигар, турецкий кинжал – подарок сотрудников банка, в котором муж работал, запонки и зажим для галстука ушли за несколько

тысяч долларов. Хотя стоили эти вещи изначально куда дороже. Но это было все, что получила за эти вещи Таня.

Дом, в котором они жили, оказался продан вместе со всей мебелью и обстановкой незадолго до кончины супруга. Новые хозяева любезно согласились позволить мужу пожить в доме по договору ренты, срок действия которого по странному стечению обстоятельств истек как раз в день гибели мужа. И сразу после похорон Тане пришлось освободить место своего заточения, так и не воспользовавшись им в свое удовольствие.

Но она не сильно огорчалась, пусть огромного наследства она и не получила, но напоследок дом преподнес ей подарок. Несмотря на то, что сейф мужа в его кабинете оказался пуст, в тайнике за стеной шкафа нашлась пачка денег, в которой была кругленькая сумма в двести тысяч евро.

Эти деньги Таня, не задумываясь, присвоила себе, благоговая в душе свою привычку подглядывать и подслушивать за мужем. Только благодаря ей Таня и увидела, как муж однажды приклеил к стене шкафа эти деньги.

А вот те счета, которые имелись у мужа в банках и на которые Таня возлагала особые надежды, оказались практически пусты.

Это стало для Тани полнейшей неожиданностью! И узнала она об этом только сегодня, после того, как получила от нотариуса необходимые бумаги – доступ к этим счетам.

Почти десять счетов в разных банках имелось у ее мужа,

но на одном оставалось три тысячи рублей с копейками, на другом и вовсе полторы, на третьем тысяча восемьсот, в совокупности они составили чуть больше сорока тысяч рублей.

И это был настоящий удар, от которого Таня не представляла, как будет оправляться. Это был крах всех ее надежд! Никакого богатства у ее мужа не оказалось, но выяснилось это окончательно лишь сегодня!

До этого Таню поджидали мелкие сюрпризы. Например, одна их машина оказалась собственностью банка, вторая тоже была продана.

И в итоге Таня обнаружила, что смерть мужа оставила ее у пустого корыта. Кроме тех двухсот тысяч евро, что она обнаружила в тайнике, у нее ничего и не было. Да еще руководство банка неоднократно навевалось к ней, сначала намекая, а потом и прямо говоря, что муж ее оказался человеком нечистоплотным, перед своей смертью он провел ряд весьма странных манипуляций, результатом которых стало исчезновение денег со счетов вкладчиков.

– Хотите сказать, муж присвоил себе чужие деньги?

Нет, этого служба банка пока что сказать не могла, как не смогла она это сказать и потом. Но под всеми переводами стояла подпись мужа, а значит, он один мог знать, куда отправились эти деньги и где они могли находиться теперь.

Но Тане было не до чужих исчезнувших денег, ей бы разобраться со своими собственными финансами. Но ей никто не хотел верить, когда она говорила, что все богатство му-

жа развеялось по воздуху, словно было миражом и мороком, наведенным опытным колдуном.

– Не может быть, чтобы вообще ничего не осталось!

Таня помалкивала. Двести тысяч евро – это совсем неплохие деньги, вот только часть из них Таня потратила на то, что купила себе уютную двухкомнатную квартирку в зеленом районе и неподалеку от метро и отпраздновала в ней избавление от мужа.

Оставалось еще больше ста тысяч, их Таня оставила про запас и начала переговоры о том, чтобы забрать бабушку к себе.

Пока велись переговоры, старушка скончалась. И Таня занялась уже ее похоронами.

Но даже после похорон бабушки оставалось все равно еще много денег, которые Таня держала дома, не зная, куда и как лучше их поместить, чтобы было максимально выгодно и безопасно.

А пока она раздумывала над этим вопросом, заначка ее внезапно в одночасье пропала.

Утром деньги в тайнике за стенкой шкафа были, почти сто тысяч евроков, а уже вечером, когда Таня туда сунулась, денег там не оказалось.

Таня ощупала изнанку шкафа, обнаружила следы скотча, но самих денег не было. Не оказалось их и на полу, да и не могло оказаться, потому что деньги Таня приклеила очень прочно.

Кто же мог их взять? Жила Таня одна. Замки на дверях после покупки квартиры поменяла.

Она вызвала полицию, те проверили камеру видеонаблюдения, которой был оснащен домофон на дверях их подъезда, и выяснили имена всех, кто входил в указанный промежуток времени в подъезд дома. И сделали вывод, либо похозяйничал кто-то из жильцов дома, вероятно, зайдя в незапертую квартиру, потому что следов взлома на замке видно не было. Либо ограбление на счету у двух посторонних граждан, один из которых представился телемастером, а другой сотрудником службы доставки.

Впрочем, телемастер оказался вне подозрений, он побывал в квартире на первом этаже, и хозяйка уверяла, что вышла его проводить и видела, как за мастером захлопнулась дверь подъезда. А вот человек из службы доставки оказался каким-то мутным.

– Явился он в квартиру номер четырнадцать, которая находилась на третьем этаже. Ребята потому ему и открыли, что ждали курьера. Только потом до них дошло, что заказывали они доставку в одной службе, а курьер к ним пожаловал совсем из другой.

Впрочем, до четырнадцатой квартиры неправильный курьер так и не дошел. А нужный жильцам курьер появился лишь спустя десять минут, в подъезд вошел вместе с другим жильцом, доставив нетерпеливо ожидающим заказчикам их роллы.

– Таким образом, у нас имеется реальный подозреваемый. Это первый курьер, который явно никакой не курьер, а во-ришка, который провел в нашем подъезде около десяти минут, за это время успел обчистить ваш тайник и покинуть подъезд. Но тут возникает вопрос номер два. Допустим, в подъезд этот человек вошел под видом курьера, но как он попал в вашу квартиру? Следов взлома на вашей двери мы не обнаружили. Значит, либо у вора были ключи, либо дверь в вашу квартиру была открыта, и вор просто не устоял перед искушением.

– Я ключей никому не давала!

– Проверьте среди ваших близких.

Из близких у Тани были только две ее подруги – Маруся с Ирусей. Но на них Таня подумать никак не могла.

На этом следствие и закончилось. Таня в то время пребывала в таком расстроенном состоянии, что с нее вполне стало-сь бы оставить входную дверь незапертой.

– Но ведь вор не стал тратить много времени на обыск квартиры. Вы сами сказали, что вышел обратно он уже через десять минут. Значит, он не колебался, он точно знал, где искать деньги. Пришел, сразу же направился к шкафу, отодвинул его от стены, забрал деньги из тайника, придвинул шкаф обратно и ушел. Десять минут ему вполне на это хватило.

– Вы кому-нибудь говорили, что у вас за шкафом оборудован тайник?

– Ни одной живой душе.

– А если хорошенько припомнить? Последние дни вы пребывали в стрессе, наверное, вам приходилось прибегать к помощи русского народного средства – водки. Выпили, облегчили душу в незнакомой компании, случайно сболтнули, что у вас припрятаны деньжата на крайний случай. А кто-нибудь более трезвый эти ваши откровения запомнил. Может, и ключи от квартиры тогда же у вас стащил.

Таня не стала возражать. Действительно, бывали у нее в последнее время моменты, когда она не могла точно вспомнить, где была и что делала. И напиваться ей случалось, правда, пила она обычно дома, а не в компании посторонних. Принимала таблетку выписанного ей врачом успокоительного, потом стакан вина, затем снова таблетку. И если не помогало, еще вина. А после, наконец, засыпала, и никакие угрызения совести ее больше не мучили.

Весь процесс укладывания на боковую длился от получаса до двух часов. И в это время Таня уже плохо соображала, что к чему. И ведь мог к ней кто-нибудь случайно на огонек заглянуть именно в этот момент, какой-нибудь курьер случайно дверью ошибся, а она к нему с пьяными откровениями и примоталась. Наутро уже ничего не помнила, а вот он ее, наоборот, хорошо запомнил. Потом подкараулил, когда ее не было дома, и пришел.

Правда, ключи от квартиры Таня вроде бы не теряла, но с другой стороны, сколько их там было изначально в комплекте, сказать точно тоже не бралась.

Три ключа? Или все-таки четыре? Тогда, получается, один пропал?

— А вы можете отследить перемещение этого фальшивого курьера по городу? — с надеждой спросила Таня у полицейского.

На это следователь деликатно дал ей понять, что возможности в рамках проводимого ими расследования далеко не безграничны и отпущенные на него средства никак не подразумевают такой долгой и кропотливой работы.

— Вот были бы вы женой депутата или лучше самим депутатом, и еще лучше, если бы вас не просто обокрали, а убили, тогда дело другое! Тогда уж мы этого человека обязательно бы нашли!

Но становиться депутатом ей было уже поздно. А умирать Таня и подавно не хотела. Поэтому дело так и спустили на тормозах.

Преступник ушел, унеся в кармане сто тысяч евро, а у Тани в заглазнике осталось еще около десятка тысяч все тех же евро. Тоже, если вдуматься, совсем неплохая сумма, одинокой молодой женщине на нее можно было прожить целый год, понятное дело, если особенно не шиковать.

И все же Таня не могла не думать о своем будущем. А оно у нее вырисовывалось каким-то очень уж мрачным. Ни работы, ни образования, ни видов на будущее. Одно хорошо, крыша над головой теперь имелась, но если не платить по счетам, можно было ее лишиться.

А хуже всего были галлюцинации, которые посещали Таню с завидным постоянством. Ей упорно мерещился покойный муж. Приходил он к ней и утром, и днем, и ночью, совсем не считаясь с закрытыми дверями. Впрочем, призраку двери – это тьфу и растереть.

Таня обратилась к врачу, тот выписал ей новое лекарство, но от него стало только хуже.

Галлюцинации продолжились, да еще плюс к зрительным прибавились слуховые. Если раньше муж просто приходил и смотрел на Таню, то теперь он начал говорить ей всякие жуткие вещи. Пугал адским пламенем, обещал расправиться, угрожал, что будет до самого ее последнего дня приходиться к ней. Личного счастья он ей тоже не обещал, потому что считал Таню виновной в его смерти. И самое скверное, что он был абсолютно прав в этих своих претензиях. Потому что была вина Тани в том, что случилось с ее мужем. И вина эта была немалая.

Как всегда, от этих мыслей Тане стало не по себе, накатила дурнота, сделалось чересчур душно.

Очнувшись, она попросила у доброй тети Гали:

– Я выйду на воздух?

– Иди, девонька, подыши. Это тебе от самогона нехорошо сделалось. Вечно Серега его всем подсовывает! А ведь там градусов семьдесят, да еще настаивает его на хрене, вот тебе и непривычки и подурнело. Ничего, пройдет!

Если бы так! Таня вышла на задний двор, где ребята уже

закончили лепить свою снежную крепость. Стало уже совсем темно, родители загнали детей в дом. Но крепость осталась, и она была хороша. В полтора человеческих роста, сложенная из мощных снежных глыб и облитая для крепости водой, она уже схватилась на морозном воздухе ледяной коркой.

И эта крепость была обитаема! В одном из ее окошек светился огонек.

Повинуясь не столько здравому смыслу, сколько обычному человеческому любопытству, Таня медленно двинулась в сторону крепости. Она ничего не могла с собой поделать, этот огонек манил ее к себе, словно мотылька. Кто там может быть? Кто-нибудь из детей не послушался родителей и сидит там, втихомолку играя в свой смартфон? Вот она сейчас задаст ему! Напугает мальчика так, что надолго запомнит!

Но когда Таня оказалась возле самого окошка, ей навстречу появилось лицо. О, как же оно было ей знакомо! Сколько времени она провела, разглядывая его черты долгими темными ночами, прикидывая, как бы ей лучше избавиться от этого жуткого человека, ее мужа.

И вот сейчас она снова увидела его. Он был бледен. Он был страшен. Лицо его перекашивала чудовищная гримаса, но это все равно был он.

– Явилась, грешница! – проскрежетал он зубами. – Гореть тебе в аду за то, что ты со мной сделала!

Зубы лязгнули у самого лица Тани. Ей даже показалось, что она почувствовала запах. У мужа были проблемы с пи-

щеварением, и изо рта у него пахло вонью.

Запах Таня узнала сразу. От ужаса у Тани земля ушла из-под ног. Она отшатнулась и открыла рот, чтобы закричать, но внезапно почувствовала, что спазм схватил ее за горло, и она не может вымолвить ни единого звука. Просто ни единого! И двинуться с места она тоже не могла, ноги словно прилипли к земле.

А муж уже тянул к ней свои руки! Какие же чудовищно длинные у него были руки! И пальцы с когтями! Того и гляди он вопьется ими в лицо Тани, разорвет, растерзает, напьется вдоволь ее кровушки!

В голову полезли совершенно лишние мысли о вампирах, не способных успокоиться после смерти и обреченных властвовать в ночи. Тьма – время вампиров, время ее мужа. И если она хочет жить, то должна бежать прочь.

Тогда она развернулась и ринулась бежать к дому. Бежала она очень быстро, но сама изнемогала от ужаса, потому что ей казалось, она еле переставляет ноги. И муж вот-вот нагонит ее, вцепится в нее, утащит куда-то во тьму.

Только почувствовав, как ее обступило тепло живого человеческого жилья, она обрела голос и завопила так, что всюду в доме на одно мгновение стало совершенно тихо, а затем многочисленные голоса ее спасителей стали стремительно и со всех сторон приближаться к ней.

Вот уже они, живые, теплые, какие-то родные. Обступили, галдят, утешают:

– Таня! Танюшка! Что это с тобой?

– Да на ней лица нет!

– Ребята, помогите девочке!

– Все ты, Серега! Опоил ее своим самогоном! Разве так можно!

Только тогда, убедившись, что она в полной безопасности, Таня позволила себе роскошь – потерять сознание!

Глава 3

Ну, что сказать, этой ночью Таня спала плохо. Опозорилась она знатно, по полной программе.

Когда хозяева дома и их гости отправились к снежной крепости, там уже никого не было. Таню это ничуть не удивило, она к данному факту отнеслась с пониманием, призраки, они ведь больших людных обществ чураются, им общение тет-а-тет больше по душе. А вот ее хозяева и их гости суетились возле крепости долго.

И все же вынуждены были признать:

– А следов-то никаких не видать. Оно понятно, детишки тут так натоптали, что прямо каток, а не двор. Но все же...

Отсутствию следов Таня тоже не удивилась. Какие там от призрака могут быть следы!

Конечно, своим хозяевам она не призналась, что ей привиделся покойный муж, поэтому они думали, что к ним во двор забрался чужак, который и напугал Таню.

Хозяйственная баба Галя, думая о своем, побежала проверить птичник и хлев.

Но всюду был полный порядок, птица и скотина спали в полном составе. Козы недовольно уставились на заглянувшую к ним в неурочный час хозяйку. А куры даже не проснулись.

– Наверное, кто-то из своих был, – решила баба Галя. –

Иначе Трезорка бы шум поднял. Он у нас чуткий, а тут ни звука от него не слышали.

Трезоркой звали огромного мохнатого монстра, который сейчас серой тенью носился по двору, радовался выпавшему на его долю нечаянному развлечению. Совсем уж собирался поскучать до утра, как вдруг такое веселье! Надо отметить, что зверюга носилась по двору без всякой привязи. А усеянные белыми клыками челюсти у него были таких размеров, что вполне могли перекусить с лету человеческую руку, а то и ногу.

– Как же он на меня-то не бросился? – запоздало удивилась Таня отсутствию рядом пса в тот момент, когда она шла к крепости.

– Ни-ни, Танюша, ты об этом не думай. Своих Трезорка никогда не тронет. А ты для него теперь уже своя. Раз мы тебя приняли, значит, своя, и тебя надо оберегать, как и прочее хозяйство. Трезорка, иди сюда! Ишь, морда-то вся в масле.

Трезор в ответ умильно облизнулся. Он даже не скрывал, что совсем недавно вкусно перекусил.

– Не иначе как тебя уже угостили чем-то вкусненьким. Признавайтесь, кто собаку балует?

Никто из гостей не признался. А сам Трезорка в ответ вилял пушистым хвостом и всем своим видом давал понять, что он бы и еще был не против чего-нибудь откусать. Холодца там, например, или даже пирогов.

Но его надеждам не суждено было оправдаться. Люди

ушли в дом, оставив Трезора вновь скучать в одиночестве.

После поднятой Таней суматохи все вернулись в дом, посидели еще немного за столом, обсуждая случившееся и посмеиваясь над Таней.

– Вора спугнула, да сама больше его испугалась!

Ближе к ночи гости разошлись. Тане для ночлега выделили большую комнату, в которой она была полновластной хозяйкой. Никто к ней не заходил, никто не мешал, никто не тревожил.

Тем не менее Таня провела очень скверную ночь. Во сне ей то и дело являлся муж, который больше не грозил ей карами небесными и земными, а почему-то сидел на листе лотоса посредине большого водоема в оранжерее и дожидался, когда зацветет очередной цветок. На Таню он даже не смотрел, был сосредоточен на бутоне, который, в конце концов, раскрылся, но оказался полон кусками подпорченного мяса, издававшими такое зловоние, что Таня даже во сне его учуяла.

– Какой-то бред! – вздохнула Таня, открыв глаза.

За окном занимался серенький зимний рассвет.

Таня выглянула в окно и с облегчением увидела, что в снежной крепости уже играют детишки. Она не хотела признаться в этом даже самой себе, но всю ночь ей не давало покоя лицо мужа, которое привиделось ей в окне крепости. Что он ей говорил? Что гореть его жене в аду?

– Но за что? – зябко поежилась она, обращаясь к самой

себе. – Я же ничего не сделала! Совсем ничего!

Тут Таня, конечно, лукавила. Кое-что она все же сделала. Например, это она набрала указанный в объявлении об устранении всех проблем телефонный номер и произнесла свою просьбу.

Что же она тогда сказала? Как сформулировала свою беду?

– Я всего лишь попросила, чтобы мой муж прекратил бы меня мучить. Сказала, что хочу, чтобы мой муж исчез. Но я не просила, чтобы он умирал! Я даже не верю, что это вообще сработало. Это совпадение, ничего больше!

И было кое-что еще, что тяготило совесть молодой женщины.

Таня хорошо помнила тот день, когда муж неожиданно вернулся с работы раньше положенного срока. Были еще обеденные часы, солнце высоко стояло в небе, а машина с водителем уже проехала по выложенному плиткой парадному двору их дома.

Таня увидела в окно, как из машины буквально выполз ее муж, упал на колени перед фонтаном и попытался зачерпнуть воды из него.

В первый момент она решила, что муж пьян и только удивилась тому, какое неподходящее время он выбрал, чтобы наклюкаться в хлам. Но потом она увидела бледное и перекошенное от боли лицо и поняла, случилось что-то серьезное.

– Сердце прихватило! Пришлось с работы уехать!

– Тебе надо к врачу!

– Не надо! – гордо отказался муж. – Отлежусь, и все пройдет!

Таня открыла рот, чтобы возразить. Потом вспомнила, к чему обычно приводят ее уговоры, к полностью противоположным результатам, и рот закрыла.

А потом еще какое-то время подумала и сказала тоном, уже не терпящим возражений:

– Дорогой, как хочешь, а я иду и вызываю тебе «неотложку»!

Таня прекрасно знала, как раздражает ее мужа такой тон.

Вот и сейчас, несмотря на слабость, он дернулся всем телом.

– Нет!

– Я сказала!

Это тоже возымело желаемый результат, муж немедленно взбеленился и завопил уже в голос:

– Я тебе вызову! Ишь, тон какой взяла! Иди к себе, дура! Шагом марш!

Таня ушла, еле сдерживая рвущуюся из груди радость. Теперь никакого врача точно не будет.

За этот день она предпринимала еще несколько попыток вызвать врачей, чем окончательно, как ей казалось, закрепила результат. Про медицинскую помощь ее муж теперь и слышать не хотел.

Ночью он ходил по своей спальне взад и вперед, из чего Таня сделала вывод, что помирать он передумал, и несколько приуныла.

А утром мужу стало лучше, он поехал в банк, но вернулся снова пораньше и снова сказал, что ему плохо с сердцем.

На другой день врач к нему все же приехал, это был его старый школьный приятель, возглавляющий теперь одну из клиник города.

– У вашего супруга серьезные проблемы с митральным клапаном. Боюсь, что операции не избежать.

– А каковы шансы на успех?

– Шансы хорошие, – разочаровал Таню врач. – Операции эти делают уже не один год, методика отработана, материалы закупим все импортные, врачи наши – золотые руки. Все будет отлично.

Для кого? Кому будет отлично?

Этот вопрос так и рвался у Тани с губ, но она сумела сдержаться.

Вместо этого она пошла к себе и набрала заветный номер.

– Я просила вас сделать так, чтобы мой муж исчез.

– И что? Сработало?

– Муж ложится в больницу. Ему предстоит операция. Серьезная. На сердце.

– Значит, ваше желание исполнилось? Он больше не сможет вас мучить? Наш договор в силе, вам предстоит оплатить исполненное желание.

– Не все так быстро! – осадила Таня торопыгу. – Муж после больницы вернется в добром здравии. И примется изводить меня с еще большим пылом.

– Я все понял, – произнес голос, – все будет сделано! Ваш муж не вернется. Как вы и хотели, он исчезнет!

И в трубке запикали короткие гудки.

А после этого муж лег в больницу, и та самая тщательно спланированная и многократно отработанная операция в его случае дала сбой.

Муж умер прямо в своей палате, когда весь персонал уже был уверен, все прошло отлично, больной идет на поправку, скоро его выпишут.

Таня и сама так думала, она регулярно навещала мужа в больнице, ей казалось, что их договор с таинственным исполнителем чужих заветных желаний не более чем шутка.

А потом муж умер. И с тех пор Таню не оставляло навязчивое ощущение, что она приложила свою руку к этому дельцу.

Она мечтала, чтобы ее муж исчез. Она просила об этом некоего человека, который согласился исполнить ее просьбу.

И исполнил ее. И гонорар, который была должна ему Таня, она ему заплатила. То есть получается, что она заплатила киллеру за устранение ее супруга. И тот факт, что ей это сошло с рук, ничуть не умалял ощущение грандиозной беды, которая теперь ежедневно и ежеминутно стояла у Тани за спиной.

– Господи, что же мне делать? Куда бежать дальше? От него не убежишь. Он всюду меня найдет!

И внезапно к Тане пришло твердое осознание – бежать ей дальше нельзя. Если она сделает хотя бы еще один шаг, то так и будет бегать до самой своей смерти, которую тоже не придется долго ждать.

– Такой нервотрепки я не выдержу. Если муж станет и дальше мне появляться, то я покончу с собой, кинусь с моста или под машину. Нет, с этим нужно что-то сделать тут и сейчас!

И стоя у окна и глядя в морозное утро, Таня внезапно поняла, она должна остаться и дать бой той тени, которая преследует ее.

К завтраку Таня спустилась с твердым чувством, что она знает, как ей быть дальше.

– Доброе утро, девонька, – поприветствовала ее баба Галя. – Омлет с грибками будешь?

Таня хотела сказать, что будет, но вовремя опомнилась.

– Можно, я выпью просто кофе?

– И мне свари! – обрадовался Сергей, который маялся после вчерашнего застолья головной болью. – Жена еще спит, а баба Галя кофе не признает и не варит.

– У меня все чаи только на собственных травках, – заявила баба Галя. – А заморское мне ничего не нужно. Сами пейте свою отраву.

Сергей поднял руку и указал на кухонный шкафчик.

– Там возьми. Золотая упаковка. Вчера привезли с Маринкой, а эти нос воротят.

Баба Галя проследила за Таней, которая направилась к указанному шкафчику.

– И чего вы в нем хоть находите? – пробормотала она недовольно. – Черный, словно деготь. И пахнет не лучше. А уж на вкус... Тьфу! Чисто желчь! Может, больным оно и годится вместо лекарства, но чтобы таким пойлом наслаждаться, этого я никогда не пойму.

– А вы со сливочками и с сахарком, – дружелюбно посоветовала ей Таня. – Тогда совсем другое дело.

Но баба Галя не хотела экспериментов за завтраком. Она налила себе из чайничка свежезаваренного мятного чаю, отчего по всей кухне немедленно пошел дивный запах, вдохнула его и глубокомысленно произнесла:

– А погода-то портится!

И действительно, если с утра через мглу еще можно было рассмотреть тусклый диск солнца, то сейчас он полностью скрылся за тучами. Подул ветер, лихо закручивая на лету снежинки.

– М-м-м... Пожалуй, мне пора, – поднялась Таня, оставив так и недопитую чашку кофе на столе. – Пойду я.

– Куда это? – удивилась входящая в этот момент в дверь кухни Марина.

Была она в теле, одышливая, красотой не блистала, за собой не следила, над бровью у нее красовалась бородавка, ко-

торуую давно надо было удалить, а Марине все было некогда и не до того.

– Никуда ты не пойдешь! – заявила она. – Утренний рейс ты уже пропустила, а следующий автобус придет только в три часа. Мы же в Диковинно, сюда не всякий автобус заворачивает. Они все дальше идут в Подберезье.

Подберезье! Это название откликнулось эхом в голове у Тани. Она сама не понимала, почему название незнакомого ей поселка звучит так заманчиво.

– Вот бы съездить туда! – неожиданно вырвалось у нее.

Марина отмахнулась:

– Съездим! Но всему свое время! Сейчас ты у нас в гостях в Диковинно.

Оказалось, что Диковинно – это хутор, на котором жили пять или шесть семей, связанных между собой узами родства.

– Когда первый карантин объявили, наши мужики решили, что пересидеть его лучше нам всем в деревне. Стали искать. В одну деревню приехали, а у них там полный аншлаг.

– Все скуплено?

– Если бы! В каждом доме по карантинному больному, а то и по двое, по трое. Наши еле ноги оттуда унесли. Так мы поняли, что и деревня – это не гарантия безопасности. Один сосед в город съездил, заразу привез, и привет, все в деревне друг за дружкой свалились. Вот мы и решили, нам нужно такое место, в котором мы могли бы контролировать пере-

движение соседей. А как это сделать? Только если все соседи будут твои родные, которым, если что, ты за непослушание и в бубен дать мог. Нашли мы этот хутор, тут и не жил никто, но парочка домов сохранилась в более или менее приличном состоянии, их мы и купили. Потом на соседские участки хозяев искать стали, у них землю купили. Так и пошло дело. Дома построили. У меня сестра и брат, у них семьи. У Сергея тоже есть брат. А тетя Галя и дядя Толя тоже своих подтянули, каждая семья дом себе поставила, еще два дома в процессе строительства, еще к трем участкам свет, газ и воду тянем, скоро разрастется Диковинно, станет полноценной деревней, а не урочищем, как еще совсем недавно было. Но автобус сюда по-прежнему ходит не чаще, чем два-три раза в день. Так что до трех часов тебе отсюда не уйти, разве что до трассы захочешь семь километров топать. Потому что после вчерашнего застолья вряд ли кто из наших захочет за руль сесть. Проблемы с гайцами никому не нужны.

И Марина полезла к плите, отодвинув плечом бабу Галю. Та попыталась подсунуть Марине грибков, но та посоветовала старухе отправляться вместе с грибами в дальнее пешее.

– И выкини ты уже эти грибы! Ты же видишь, не хочет их никто, за весь вчерашний вечер я не видела, чтобы к ним кто-нибудь бы притронулся.

– А тебе все лишь бы выкинуть!

– Выкини!

– Ни за что!

– Хотя бы в холодильник поставь! Мало того, что отравы, так еще и закиснут!

Баба Галя, ворча под нос, сунулась к холодильнику, но оказалось, что в нем нет ни единого свободного уголка. Все было плотно заставлено мисками, плошками, контейнерами, салатниками и тарелками с остатками вчерашнего пиршества.

– Нету тут места!

Тогда Марина схватила сковороду с грибами и выскочила с ними за дверь. Вид у нее был такой свирепый, что все решило, грибам пришел каюк.

– Куда? – взвыла раненой волчицей баба Галя и ринулась за внучкой.

Обратно они вернулись, переругиваясь, но уже без прежнего запала. Грибы удалось пристроить на поленнице, сложенной у входа в дом, где до них не могли бы добраться собаки.

Но на этом дело не кончилось, Марине пришла охота похозяйничать, чем она и занялась, передвигая и расставляя вещи по своему вкусу, невзирая на бурные протесты бабы Гали, которая пыталась утвердить свои права и потеснить Маринку.

– Это мой дом, мне лучше знать, что тут и как, – возмущалась она. – А ты, Маринка, домой поедешь, и там у себя свои порядки наводишь будешь.

Но Марина не очень-то обращала внимание на протесты

старухи, что бабу Галю крайне обижало. Она даже повысила голос, Марина в долгу не осталась, и вот уже обе женщины увлеченно собачатся друг с другом.

– Пожалуй, мне все-таки лучше уйти, – попыталась улизнуть Таня.

Но стоило ей подняться, как обе хозяйки мигом прекратили ссориться и дружно гаркнули на Таню:

– Сиди!!!

И снова с увлечением повернулись друг к другу.

– Ты не обращай внимания на Маринку, – шепнул девушке Сергей. – Она баба неплохая, просто с утра сильно не в духе.

– Мне-то что делать?

– Где-то Марина права, в такую погоду лучше тебе у нас автобуса подождать. Оставайся. И баба Галя того же мнения придерживается. Да и я сам так же считаю. Утихнет снегопад, тогда и пойдешь.

Однако уже к часу дня непогода разыгралась с такой силой, что выйти на улицу было невозможно. Ветер буквально валил с ног, залепляя лицо колючим острым снегом. А к трем часам, когда должен был появиться автобус, дорогу совершенно замело, и ожидаемый автобус так и не приехал.

– Ну и ладно! – отмахнулась баба Галя. – Переночуешь еще ночку у нас. Или ты куда торопишься?

Нет, нигде Таню не ждали.

– Тогда и думать нечего, ночуй тут. А завтра с утра погода

обязательно разгуляется, и поедешь себе.

Таня уже не знала, что ей и делать. Но с природой не поспоришь. Пришлось задержаться у хлебосольной бабы Гали еще на какое-то время.

И то сказать, Таня была этому даже рада. У бабы Гали было весело. Все время приходили какие-то новые гости.

Особенно Тане запомнились двое: Слава и Саша. У Славы в Диковинно жили отец с матерью, в гости к которым он и приехал. А Саша был городским приятелем Славы, вместе с Сашей в гости к бабе Гале пришел его пес – Барон.

Баба Галя сначала возражала против собаки в доме:

– Грязи мне нанесет. Мебель погрызет да испортит. И еще псиной во всех комнатах навоняет. Собаке место на улице!

Но Барон вел себя безупречно. Лапы вытер в прихожей о коврик сам и без лишних уговоров.

Прозвучала команда:

– Лапы!

И Барон тут же послушно плюхнулся, протягивая правую переднюю лапку.

– Не лапу, а лапы! – со значением повторил хозяин, и Барон тут же опомнился, лапу опустил, сам вскочил, и принялся с таким рвением шаркать всеми четырьмя лапами по половичку, что казалось того и гляди сотрет себе подушечки в кровь.

Даже наблюдающая за этим действием баба Галя и та умилилась:

– Ишь ты! Собака, а гигиену понимает.

Саша потом немного помог собаке, протер чистой влажной тряпкой, и оказалось, что грязи с Барона никакой нет.

Барон тут же побежал со всеми знакомиться. И первой на его пути оказалась баба Галя, которой пес подsunул свою голову.

– Надо же, – удивилась баба Галя, погладив собаку. – А шерсть-то какая шелковистая!

– И немудрено! Барон сегодня целое утро в снегу купался. Повалается, отряхнется, пробежится и снова в сугроб. Бух! И давай в снегу елозить. Так что, если какая пыль или грязь и была, то вся давно в снежку осталась, а сам он чистый. И вообще, псиной от этой породы не пахнет. Можете сами понюхать.

Баба Галя нюхать собаку отказалась, а остальные понюхали и пришли к выводу, что пахнет от Барона печеночным паштетом, заливным из щуки и еще немножко булочкой с маслом и корицей, а вот псиной точно не пахнет.

После того как Барон безукоризненно выполнил несколько команд, баба Галя окончательно прониклась к собаке симпатией и покормила Барона со стола курятиной и сухариками из салата. Пыталась угостить грибами, но Марине удалось ловко переключить внимание старухи на практическую пользу, которую может принести Барон.

– Баба Галя, ты еще не знаешь, что на ужин у нас куропатки будут!

– Что же он у тебя, охотник? – заинтересовалась старуха у Саши. – И на охоту с ним пойдешь?

– Если в ваших местах зайцы или глухари с тетеревами еще остались, добуду. За этим и приехал.

Баба Галя обрадовалась:

– Ну, приноси добычу. Помню, мой старик на охоту часами снаряжался, а потом мы с ним еще весь вечер и следующий день уток да гусей смолили да щипали. Добытчик был!

Вспомнив о покойном супруге, бабе Гале взгрустнулось. Она выпила рюмочку за помин души своего Степушки и пошла отдыхать. А молодежь еще долго сидела и болтала о всякой ерунде. Заняться было особенно нечем, Интернет пропал, связь брала еле-еле. Спасибо, что хоть электричество пока что держалось.

– В прошлом году почти два дня без света сидели. Бобры с голодухи или от шалости столбы линии электропередач подгрызли, они попадали, провода оборвали.

– Вот кого подстрелить бы не мешало, – сказал Слава. – И шуба, и мясо!

– Скажешь тоже, мясо! Разве бобров едят?

– Еще как едят! Прекрасное у них мясо. Они в монастырской кухне почетное место занимали, потому что раньше считалось, что бобры – это не животные, а нечто вроде рыбы. Живут-то они в воде, да и хвост у них голый. Их в пост в пищу разрешалось употреблять. А из хвостов заливное готовили, тоже за милую душу с картошечкой и хреновухой идет!

Снегопад прекратился ближе к вечеру. Солнце уже садилось, но Таня все же решила выйти на прогулку.

Надоело ей сидеть в доме, где радушные хозяйки все время чем-то ее пичкали, но при этом не позволяли ничего делать самой. Тане было даже как-то неудобно.

Саша с Бароном давно ушли обратно к Славе, они приглашали заходить Таню к ним в гости, и девушка решила, что сейчас самое время, чтобы воспользоваться их приглашением.

Тем более что и Марина с Сергеем на этом настаивали.

Таня даже подумала, что им хочется остаться без посторонних, так настойчиво супруги выпроваживали свою гостью на прогулку.

– Иди, иди! Прямо сейчас и иди, пока снова снег не пошел!

Чтобы не доставлять приютившим ее людям еще больший дискомфорт, Таня послушно поднялась и пошла к дверям.

– Шубу надень! – крикнула ей вслед Марина.

– У меня пуховик.

– Куртяшка твоя и пуп не прикрывает, в городе носить ее будешь, от наших морозов она тебе не защита. Много раз на себе лично проверено. Шубу возьми или тулуп. Вон висят!

Шуба была из каракуля, она принадлежала Марине, и взять ее Таня не осмелилась. Тулупом Марина назвала дубленку из овчины, которую явно давно уже никто не носил. Кожа была грубой, но зато он отлично наделся прямо поверх

куртки. Получилось очень хорошо.

– Дойду до гостей, никто меня и не увидит. А там страхолюдство скину и в нормальном виде зайду.

Но уже в дверях Таня столкнулась с высоким худым мужчиной, который уставился на нее в оба глаза. И Тане стало ясно, что старая дубленка – это совсем не та вещь, которую нужно носить молодой женщине. Даже этот деревенский дядька, который зашел за какой-то надобностью к тете Гале, оценил внешний вид Тани на жирную двойку или даже кол. А иначе, с чего бы ему на Таню так пялиться?

Выйдя на улицу, Таня немного постояла, любуясь прекрасным закатом. Небо на горизонте сделалось розовым, расцвеченным оранжевыми полосками. Хотелось смотреть на него, не отрываясь ни на минуту, чтобы всю душу до последнего уголка заполнили бы этой дивной красоты свечение.

Таня так и сделала, стояла, пока краски на небе не начали тускнеть, а сама она не почувствовала, что под длинные полы ее дубленки все-таки пробирается холод. Тогда она потихоньку побрела дальше.

Дорога шла вниз, мимо замерзшего прудика, на котором ребяташки устроили игру в хоккей. Мальчишки с визгом рассекали лед, шайба летала туда-сюда, и Таня вновь притормозила, так увлекла ее игра.

Она достояла до самого конца игры, когда ребята уже начали собирать разбросанные вещи и один за одним выдвига-

лись к той части Диковинно, откуда только что пришла сама девушка.

– Наверное, к бабе Гале идете? – улыбнулась она им, помахав рукой. – Отлично играли!

Мальчики тоже поздоровались, поблагодарили и ушли.

Тане тоже было пора двигаться дальше. Но тут краем глаза она заметила, что на другом конце пруда стоит одинокая мужская фигура. Тоже случайный зритель?

Что-то заинтересовало Таню в этом силуэте, она продолжала смотреть в его сторону.

Сначала человек стоял и не шевелился, но потом он поднял руку и пригладил ею свои волосы на голове.

Таня даже задохнулась, до того знакомым показался ей этот жест. Точно так же делал ее муж, когда о чем-то размышлял. Неужели это ее муж, или она все-таки сходит с ума?!

И тут же ее охватило отчаяние. Да что же это такое делается? Ведь она специально уехала, считай, убежала из города, чтобы скрыться от этих видений. Но они последовали за ней и сюда. И последуют всюду, куда бы она ни отправилась.

– Прочь! – крикнула Таня. – Поди прочь!

Таня крепко зажмурилась, а когда открыла глаза, фигура на том берегу уже исчезла. Муж снова привиделся, или там просто стоял какой-то человек, который показался ей похожим на мужа? Таня бы спросила у ребят, но они, разгоряченные игрой, ничего, кроме своей шайбы и ворот противника,

не видели.

Таня бросилась бежать дальше. Скорей отсюда! Все равно куда, только скорей!

Дорогу вдоль домов уже успели почистить, но не везде да и ровной ее нельзя было назвать. Обильно выпавший снег присыпал собой все неровности, разглядеть их было невозможно. И внезапно Таня почувствовала, что у нее подворачивается нога, а сама она летит куда-то в снег. Потом перед глазами у нее все замелькало, и она покатилась вниз по крутому склону.

Сколько длилось это падение, Таня сказать не бралась. Ей казалось, что земля с небом поменялись местами раз двадцать, значит, столько оборотов она сделала.

Таня просто лежала, радовалась, что вращение прекратилось, и пыталась понять, насколько сильно она пострадала. Вроде бы ничего у нее не болело. Мягкий снег и толстая одежда смягчили падение. Но когда Таня попробовала встать, то поняла, что проваливается в снег еще глубже. Там, где снег набился под одежду, он моментально растаял, в тех частях стало сперва мокро, а потом и холодно. Тане совсем не хотелось, чтобы так мокро и холодно стало бы ей целиком.

– Полежу, – решила она. – Подумаю.

Так она и лежала, глядя в небо. Зимой смеркается быстро. Только что было светло, а вот уже сумерки наползают невесть откуда.

Таня повернула голову в сторону небольшой полянки, по-

росшей высокими елями. Ей показалось, что там мелькнула чья-то тень.

– Эй! – закричала Таня. – Помогите! Я не могу выбраться!

Но никто не откликнулся на ее призыв. То ли показалось Тане, то ли не настроен человек был помогать.

– Кто-нибудь! – закричала Таня. – Хэлп! Спасите! Да что же это такое!.. Вашу душу да на грушу!

Никакого ответа. Она снова побарахталась, и у нее даже получилось встать на четвереньки. Дальше она покрутилась вокруг своей оси, утрамбовала вокруг себя небольшую площадку, на которой и поднялась.

Картина вокруг была мрачной. Таня находилась в стороне от деревни, человеческого жилья отсюда было не видать. Человеческих голосов слышно тоже не было. А между тем тени от деревьев делались все длинней, их черные извивающиеся лапы угрожающе подползали к Тане.

– Надо убираться. Надо ползти!

Идти по снегу вверх, Таня не могла, сразу проваливалась. Снега и наверху намело предостаточно, а тут, в низине, он доходил Тане до подбородка, а в некоторых местах она и вовсе проваливалась с головой.

Таня легла плашмя на снег и попыталась ползти по-пластунски. Так она тоже уходила в снег, но все-таки незначительно.

Постепенно она приноровилась, движения ее сделались четкими, но чтобы взобраться там, где она пролетела вниз,

пришлось потратить очень много сил.

Оказавшись на дороге, Таня какое-то время просто лежала, не в состоянии даже пошевелиться.

И тут она услышала шаги. Легкие, быстрые. Таня повернула навстречу им голову и увидела, что к ней приближается собака.

Сперва Таня даже обрадовалась. Собака показалась Тане не слишком большой и, конечно, совсем не опасной. Ну, что собака? Собака на то и собака, что она друг человека. Наверное, где-то рядом хозяин. Собака не казалась агрессивной, она была скорее любопытна.

– Хороший песик, – позвала собаку Таня. – Тоже погулять вышел?

Но внезапно все изменилось. Пес замер в нескольких шагах от Тани, потом низко опустил голову, глаза его сверкнули, а из пасти вырвалось угрожающее рычание.

– Ты чего? – испугалась Таня. – Как шел мимо, так и иди себе дальше!

Но злобная скотина не собиралась ее слушаться. Собака оскалила два ряда безупречно белоснежных и очень острых зубов и зарычала еще громче. Теперь уж Тане стало совсем некомфортно. Положение у нее было невыгодное. Она лежит без всякого оружия, возле нее совсем близко стоит чья-то собака с оскаленными зубами, хозяина поблизости не видно, и вообще, ни единой живой души не видно.

У Тани душа ушла в пятки. Она прямо ощутимо почув-

ствовала, как что-то стекло ей вниз по ногам. Конечно, это скользнула туда душа.

– Собачка, – дрожащим голосом произнесла она. – Что это ты надумала, а? Ай-яй-яй! Плохая собачка!

Внезапно собака взвыла. Она подскочила на четырех лапах, словно ее подкинула невидимая сила. А затем с диким рычанием кинулась на Таню и вцепилась в девушку.

Таня нечто в этом роде уже ожидала, но все равно атака случилась слишком быстро, чтобы Таня успела сообразить, что ей делать дальше. Чисто машинально она закрылась от собачьих зубов, подставила под укус толстый рукав, а сама заорала диким голосом. У нее у самой уши заложило, но собаку ее вопль не только не отпугнул, а, казалось, еще сильнее раззадорил.

– Пошла! – задыхаясь, твердила Таня, отбиваясь от собаки. – Пошла прочь!

Но собака буквально озверела. Она рвала и терзала одежду, стремясь добраться до теплого человеческого тела. И не получалось! Вот тут Тане и пришло время, чтобы вспомнить добрым словом Марину. Если бы Таня отправилась в путь в одной своей куртке, тут бы ей и пришел быстрый и полный конец. Тоненький пуховик не мог создать никакой преграды между Таниной плотью и клыками этой собаки. А вот толстый и неуклюжий тулуп очень даже мог. Кожа на нем была такой старой и прочной, что собачьи зубы попросту скользили по нему. А когда и впивались, то сразу буксовали и вязли

в нем.

И все же Таня понимала, рано или поздно собака доберется до открытых частей и сумеет если не убить, то серьезно изувечить Таню. Поэтому девушка не прекращала звать на помощь.

О, радость! Таня услышала приближающиеся человеческие крики. Кто-то подбежал, собаку ударили палкой, пытаюсь отогнать от Тани криками. Собака завизжала, видимо, ей крепко досталось. Но от Тани отстала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.